

В 1992 г. лингвисты и филологи испаноязычных стран отметили пятистолетнюю годовщину опубликования первой грамматики испанского языка Антонио Небриха [Nebrija A. de 1946]*, которая ознаменовала собой начало кодификации не только испанского, но и других романских языков, ибо явилась первой работой подобного рода в романском ареале. К числу юбилейных публикаций принадлежит и рецензируемая книга известного мексиканского лингвиста Х.М. Лопе Бланча, автора многочисленных исследований по проблемам грамматики и социолингвистики испанского языка и истории испанского языкознания. В книгу вошли три статьи и три доклада, опубликованные в 1992 и 1993 гг. в журналах и материалах различных конгрессов.

Эти работы неравноценны по своему содержанию и могут быть разделены на две группы. К первой группе относятся исследования общего характера, в которых выявляется роль Небриха в становлении европейской лингвистической традиции: "Небриха — первый лингвист современности"; "Небриха — источник и передатчик грамматических знаний" и "Позиция Небриха по отношению к испанскому языку". Ко второй группе относятся частные исследования, посвященные отдельным аспектам лингвистической деятельности Небриха: "Протяженные синтагмы у Небриха"; "От Небриха к Менажу через Коваррубиаса" и "Синтаксическая структура клаузулы у Небриха".

Мы сосредоточим свой анализ прежде всего на исследованиях первой группы, но вначале хотелось бы отметить такое достоинство книги Х.М. Лопе Бланча, как комплексное рассмотрение лингвистической деятельности Небриха, не только автора "Кастильской грамматики" и "Орфографических правил кастильского языка" (1517), в каком-то качестве он более всего известен нынешним испанистам, но и выдающегося латиниста своего времени, которого современники ценили прежде всего за его "Латинско-испанский словарь" (1492) и особенно за "Введение в изучение латинского языка" [II 1481]. Такой подход позволяет мексиканскому лингвисту, в частности, более четко поставить проблему, важную

для истории языкознания: в какой мере латинская (шире: греко-римская) лингвистическая традиция повлияла на кодификацию Небриха грамматики испанского языка.

В докладе "Небриха — первый лингвист современности", прочитанном на Коллоквиуме "Творчество Небриха и его восприятие в Новой Испании" (Мехико, 1992), Х.М. Лопе Бланч подчеркивает тот факт, что Небриха явился создателем первой "научной" грамматики современного европейского языка. Его оригинальность проявляется в сочетании греко-латинской лингвистической традиции, для которой было характерно следование узусу "хороших" писателей и поэтов, с возрожденческим подходом к произведениям народного творчества (пословицы, четверостишия, романсы) как к такому же авторитетному источнику, что и произведения отдельных писателей и поэтов. Отсюда и новый подход к экзemplификации: Небриха иллюстрирует свою грамматику не только примерами из произведений своего любимого поэта Хуана де Мены, но и примерами из устного народного творчества.

Заслугой Небриха является четкая формулировка латинского происхождения испанского языка, а ведь это положение оспаривалось и после него. По мнению Х.М. Лопе Бланча, Небриха впервые дал нечто вроде очерка исторической грамматики кастильского языка. В VII главе его грамматики мы находим зачатки исторической фонетики "с ясным осознанием некоторых фонетических изменений" (с. 15). По нашему мнению, следовало бы точнее охарактеризовать это "осознание", поскольку, хотя Небриха действительно впервые сформулировал ряд фонетических переходов (например, *ai > o*; *p, t, k, f > b, d, g, v*; *pl-, fl-, cl- > ll* и др.), сами формулировки даются им вполне в духе его времени. При трактовке фонетических явлений он исходит из принципа, что буквы (Небриха прекрасно различал *letra* "буква" и *voz* "звук", но, как и другие его современники, чаще использовал слово *letra* в качестве гиперонима для обозначения и того и другого) чрезвычайно близки друг к другу и легко смешиваются в речи, искажаются и деформируются. Отсюда, например, такая формулировка: «*i* деформируется в *e*, например, *pica* дает *pega* "сорока", *bibo* дает *bevo* "пью"». Поэтому в целом кастильский язык

* Далее в тексте следуют ссылки на критическое издание этой грамматики, использованное автором рецензируемой книги Nebrija A. de 1946.

определяется как *latín corrompido* [Nebrija 1946 : 25—28]; может быть, это выражение следует передавать на русский как "искаженная, деформированная латынь", а не "испорченная латынь" (ср. с привычным для истории языкознания термином "порча языка"), тем более что Небриха нигде не оценивает кастильский отрицательно, сравнивая его с латынью. Таким образом, заслуга Небриха состоит в том, что он, говоря об искажении звуков, тем не менее дает не хаотическую картину случайных изменений, а выделяет типичные фонетические переходы, хотя вряд ли стоит говорить об осознании им "закономерности" развития фонетической системы языка.

Совершенно справедливо Х.М. Лопе Бланч отвергает обвинения в латинизации испанской грамматики, которые выдвигались против Небриха уже в XVI в. Он указывает на случаи, когда Небриха четко формулировал отличия кастильского от латыни: отсутствие пассивного залога у глагола, наличие трех, а не четырех типов глагольного спряжения; подробно рассматриваются и различия в звуковом строе двух языков. Оригинальность Небриха проявляется и в том, что он выделил десять частей речи, а не восемь, как это делалось на протяжении веков, добавив в качестве самостоятельных частей речи герундий и то, что он назвал "*nombre participial infinito*" (неопределенное причастное имя); речь идет о неизменяемой форме причастия в составе аналитических форм глагола.

Вызывает сожаление отсутствие обсуждения, пожалуй, центрального пункта в проблеме латинизации грамматики национальных языков; это вопрос о падежах имени. Между тем, позиция Небриха весьма любопытна. С одной стороны он заявляет: "Склонения имени нет в кастильском языке, за исключением [склонения] от единственного числа к множественному, но значения падежей различаются с помощью предлогов" [Nebrija 1946 : 69]; иными словами, он не выделяет падеж как морфологическую категорию. С другой стороны, он выделяет в испанском пять семантических падежей: номинатив, генитив, датив, аккузатив, вокатив, по существу опираясь на морфологию латинского языка, хотя и говорит, что в кастильском отсутствует аблатив и выделенный им в латыни падеж эффектив. Изложение этого раздела грамматики Небриха страдает непоследовательностью и явно проигрывает по сравнению с подробным описанием глагольной системы.

В статье "Небриха — источник и передатчик грамматических знаний" рассматривается судьба трудов Небриха в последующей истории европейского языкознания. Автор подробно останавливается на том факте, что в XVI—XVII вв. Небриха был известен более как латинист, чем автор первой грамматики кастильского языка. Он объясняет такое положение тем, что в ту эпоху латынь по-прежнему оставалась обязательным предметом изучения в школе, чего нельзя сказать об испанском. Лишь лингвисты XX в. стали выше ценить Небриха как испаниста, чем как латиниста. Подробно рассматривается в текстологическом плане соотношение грамматик Небриха и К. Вильялона [Villalón 1558], а также "Заметок о кастильском языке" Дж. Миранды [Miranda 1566].

Чрезвычайно богат интересными мыслями доклад "Позиция Небриха по отношению к испанскому языку", произнесенный автором на Международном конгрессе, посвященном А. Небрихе, который проходил в Саламанке и Севилье в 1992 г. Здесь в центре внимания автора оказывается понятие "научной грамматики" в современном и традиционном понимании. В европейской лингвистической традиции от античности до наших дней научная грамматика мыслилась как коррективная и прескриптивная; ср. ее определение автором на с. 77: "Грамматика есть искусство (или иначе: она учит) правильно говорить и писать в соответствии с хорошим узусом (или с узусом достойных людей)". В наше время под научной понимается грамматика аналитическая и описательная. Обильно цитируя А. Мартине как типичного представителя современного подхода, Х.М. Лопе Бланч решительно становится на сторону лингвистов прошлого, характеризуя современную позицию как *asepsia científica* (нечто вроде "научной стерильности"). Не случайно поэтому цели, которые ставил себе Небриха и которые намного позже нашли выражение в знаменитом лозунге Испанской королевской академии "*Limpia, fija y da esplendor*" ("Очищает, закрепляет и придает блеск"), Х.М. Лопе Бланч называет научными целями (с. 17). Здесь есть над чем задуматься историку нашей науки; не имея возможности детально обсуждать этот вопрос, отметим лишь, что конструктивный подход к языку характерен для периода становления его литературной нормы (что наблюдается и сейчас в отношении миноритарных романских языков), в то время как описательный подход начинает

преобладать в последующий период его "спокойного" развития. Ясно, однако, что уравнивания "описательный = научный", "нормативный = ненаучный" или "описательный = ненормативный" совершенно не отражают реальной истории лингвистических исследований. Тот же Небриха, как верно отмечает автор, прежде чем приступить к кодификации кастильского языка, должен был его описать, но, описывая языковые факты, он в то же время выражал к ним свое отношение, причем в своеобразной форме. Поскольку для него, как было указано выше, кастильский являлся "искаженной латынью", он считал необходимым предупредить дальнейшее его искажение и закрепить его (*fijar, conservar*).

Исследования второй группы посвящены частным вопросам. В статье "Протяженные синтагмы у Небриха" читатель найдет интересный материал для истории становления испанской синтаксической терминологии; исследуется употребление Небриха таких терминов, как "*oración*", "*cláusula*", "*sentencia*". В статье "От Небриха к Менажу через Коваррубиаса" рассматривается косвенное влияние Небриха как лексикографа на становление французской лексикографической традиции. Наконец, в докладе "Синтаксическая структура клаузулы у Небриха", прочитанном на III Международном конгрессе по истории испанского языка (Саламанка, 1993), автор, дав свои определения таким синтаксическим терминам, как "*oración*", "*cláusula*", "*frase*", "*pro-oración*", "*período*", анализирует "Предисловие" к грамматике Небриха с точки зрения сложности синтаксических построений и приходит к выводу о том, что проза Небриха, как и его современника Э. Кортеса, типична для предвозрожденческой эпохи и отличается необычной усложнен-

ностью синтаксиса, однако этот факт обусловлен целью, которой задавался пишущий: представить текст как абсолютно гомогенное и хорошо выстроенное целое. Добавим от себя, что этой цели Небриха вполне достиг, и его проза являет собой образец максимальной связности текста, причем синтаксическая сложность ни в коей мере не затрудняет понимания текста и по прошествии пяти веков со дня его написания.

Оценивая книгу Х.М. Лопе Бланча в целом, можно утверждать, что перед нами ценный труд по истории европейского языкознания. Определенным его недостатком можно считать уклон в своеобразный филологизм, когда подробно рассматриваются текстовые совпадения и несовпадения у различных авторов в ущерб собственно концептуальному анализу. Ведь не так важно, кто сколько у кого позаимствовал, а какие идеи основоположника современного испанского (и даже европейского) языкознания получили то или иное преломление в трудах языковедов последующих веков. Впрочем, книга содержит достаточно материала и в этом плане, побуждая к дальнейшим исследованиям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Nebrija A.de* 1481 — *Introductiones latinae*. Salamanca, 1481.
Nebrija A.de 1964 — *Gramatica castellana*. Texto establecido sobre la edición de 1492 / Ed. de P. Galindo Romeo y L. Ortiz Muñoz. V. I. Madrid, 1946.
Miranda Gi. 1566 — *Osservazioni della lingua Castigliana*. Vinegia, 1566.
Villalón Cr. 1558 — *Gramática castellana*. Anvers, 1558.

Б.П. Нарумов